

**Основные направления и перспективы изучения
Столыпинской аграрной реформы
в современной отечественной историографии**

D.N. Belyanin

**Main Directions and Prospects of Studying
Stolypin Agrarian Reform
in Modern Russian Historiography**

Аннотация. Рассмотрены основные направления изучения Столыпинской аграрной реформы в современной российской историографии. На основе анализа новейшей исторической литературы автором выделены ключевые тренды исследования реформы, проведен анализ оценок результатов реформы, взглядов историков на альтернативы Столыпинской аграрной реформы. Выявлены основные акценты современной историографии, связанные с изучением землеустройства и агрономической помощи крестьянству в годы Столыпинских реформ. Перспективы исследования Столыпинской реформы определяются, во-первых, полемикой относительно оценок итогов реформы, во-вторых, недостаточной изученностью реализации реформы в отдельных губерниях и регионах страны, в-третьих, необходимостью детального анализа возможных альтернатив реформы, в-четвертых, необходимостью углубленного исследования социальных процессов внутри общины.

Ключевые слова: аграрная история, историография, Столыпинская аграрная реформа, русская передельная община, российское крестьянство.

Исследование истории Столыпинской аграрной реформы насчитывает уже около 100 лет. За этот период отечественными историками накоплен огромный фактический материал, введен в научный оборот массивный пласт исторических источников. Вместе с тем интерес исследователей к этой реформе не ослабе-

¹ **Белянин Дмитрий Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, Кузбасский государственный технический университет, Россия, Кемерово, e-mail: bdn73@list.ru

Belyanin Dmitriy Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo, e-mail: bdn73@list.ru

вает, что прослеживается по публикационной активности. К настоящему моменту в российской историографии можно выделить несколько главных тематических направлений изучения Столыпинской аграрной реформы.

Первое направление: концептуальное осмысление значимости реформы в российской истории в контексте современных научных теорий. Для современной исторической науки характерно изучение Столыпинской аграрной реформы в контексте теории модернизации (см., напр.: [1, с. 12–14]). Так, один из ведущих историков-аграрников П.С. Кабытов считает, что программа П.А. Столыпина была концепцией выхода из системного кризиса, и ее суть состояла в ускорении модернизационных процессов в России [2, с. 9].

Заслуживает отдельного упоминания подход О.А. Суховой к изучению аграрной реформы через призму психологического восприятия крестьянства. Использование социологических и психологических методов научного исследования позволило Суховой выявить устойчивость общинно-передельных традиций в крестьянской среде, связав это с архаизацией общественного сознания. Базовыми конструктами мирской жизни выступали: приоритет общественных интересов над личными и интерпретация понятия «справедливость» посредством дефиниции равенства. Такие мыслительные и поведенческие стереотипы крестьян обуславливались необходимостью гарантий для стабильного получения продуктового минимума для выживания крестьянской семьи [3, с. 614]. Такой взгляд позволяет объяснить, почему значительная часть крестьян предпочитала сохранять передельную общину.

На современном этапе сохраняется поляризация оценок итогов реформы. Один из сторонников «оптимистичной» оценки Б.Н. Миронов считает Столыпинскую аграрную реформу блестящим образцом реформирования. Основной аргумент – количество землеустроенных дворов: к февралю 1917 г. землеустроительные работы были фактически проведены на 37–38 млн десятин, охватив около 31 % наделных земель, а воспользоваться земле-

устройством решили 6 млн 174 тыс. крестьянских хозяйств [4, с. 576–579].

Исследователь М.А. Давыдов отмечает, что аграрная реформа открыла шлюз энергии отечественного крестьянства, способствовала подъему сельского хозяйства и личного благосостояния крестьян. Одним из аргументов являются данные о росте личных вкладов крестьян [5, с. 121]. На большом фактическом материале Давыдов доказывает, что в годы Столыпинской аграрной реформы в губерниях Европейской России значительно выросло потребление сельскохозяйственной техники [6, с. 540–584], что демонстрирует агротехнический прогресс и повышение интенсификации сельского хозяйства России.

Сторонники «пессимистичной» оценки апеллируют к тому, что реформа проводилась насильственными методами и встретила сопротивление крестьян. Так, В.П. Данилов отмечал, что крестьянская община в начале XX в. была жизнеспособным и прочным институтом. Как итог: накануне 1917 г. в Европейской России общинными остались примерно $\frac{2}{3}$ земель, а созданные хутора и отруба в значительной части оказались нежизнеспособными [7, с. 41, 107, 638].

Не все историки считают, что российское крестьянство было готово к введению института личной собственности. Так, А.С. Забоенкова считает, что идеалом крестьян была трудовая собственность, что русские крестьяне имели общинный менталитет, и эти черты крестьянского сознания не могли измениться за короткое время Столыпинской аграрной реформы [8, с. 135].

Острая полемика среди историков идет по вопросу о количестве единоличных хозяйств, возникших в результате аграрной реформы. Причина расхождений кроется в разных методиках подсчета статистических данных. Так, А.П. Корелин оценивал количество вышедших из общины дворов к 1915 г. немногим более $\frac{1}{3}$ от числа всех крестьянских хозяйств. При этом к выделившимся из общины крестьянам он не относил всех членов беспередельных общин, и всех, кто подал заявления о выделе и землеустройстве [9, с. 102]. Тогда как В.Г. Тюкавкин считал, что

нельзя не учитывать домохозяев, заменивших общинную форму землепользования на частную при землеустройстве. А заявлений о землеустройстве подали от 6,2 млн крестьян, т.е. более 2/3 пожелали получить землю в собственность [10, с. 196–197].

Некоторые современные исследователи, избегая полярных суждений, отмечают и положительные, и отрицательные итоги реформы. Сбалансированную оценку реформы дает один из выдающихся историков-аграрников современности П.С. Кабытов, который выделил не только минусы, но и ее очевидные плюсы. При этом Кабытов отметил серьезную ошибку многих историков, которые исходят из положения, что любая реформа должна в кратчайшие сроки дать положительные результаты [11, с. 90]. С этим мнением трудно не согласиться: масштабность задач и географический размах Столыпинской аграрной реформы в губерниях Европейской России просто не позволяли закончить преобразования в сжатые сроки.

Сибирские историки В.А. Ильиных и В.М. Рынков также отмечают, что своих базовых целей Столыпинская аграрная реформа не достигла, к тому же она трагически запаздывала во времени, но перемены в результате реформ были масштабными [12, с. 17].

Второе направление связано с исследованием Столыпинской аграрной реформы в отдельных регионах Европейской России. Хотя исследования, основанные на материалах отдельно взятых губерний или нескольких губерний, не дают оснований для масштабных выводов, но научную значимость таких работ не следует недооценивать: за счет введения в научный оборот документов из региональных архивов историческая наука получает более полное представление о реализации основных направлений аграрной реформы на местах.

Третье направление: изучение альтернатив Столыпинской аграрной политики. Альтернативой единоличным крестьянским хозяйствам некоторые историки считают кооперативы или артели [13, с. 49], которые являлись хозяйственными ячейками, объединявшими в себе потенциал нескольких дворов или нескольких десятков крестьянских дворов. В годы аграрной реформы коопе-

ративы возникали по инициативе «снизу», это движение носило массовый характер, кооперативы соответствовали таким чертам российского крестьянина, как коллективизм и общинность.

Другой альтернативой единоличным хозяйствам некоторые исследователи считают поземельную общину, которая, по их мнению, отличалась адаптивностью к буржуазным отношениям и была способна к прогрессу. Так, А.В. Ефременко отметил, что на рубеже XIX–XX вв. в ряде нечерноземных губерний общины переходили от безнадежно устаревшего трехполья к многопольно-травяным севооборотам и травосеянию [14, с. 114–116]. В.Б. Безгин отмечает, что поземельная крестьянская община не исключала возможности модернизации, т.к. инстинкт самосохранения побуждал сельскую общину к необходимости оперативно реагировать на экономические условия и учитывать производственные интересы самих крестьян [15, с. 121].

Интересный аргумент в доказательство способности общины к прогрессу привел А.В. Островский: в пореформенный период и до начала XX в. в ряде регионов страны передельная община только формировалась, и именно она способствовала прогрессивному переходу от переложно-залежной системы земледелия к трехполью [16, с. 134–135].

Еще одной альтернативой Столыпинскому курсу некоторые исследователи считают деятельность земств, которые могли способствовать прогрессу крестьянской агротехники. Так, А.В. Ефременко считает, что земства находились в оппозиции к проводимой П.А. Столыпиным реформе: они учитывали крестьянский менталитет, и земская агрономическая помощь, нацеленная на коллективный выход из кризиса, имела огромный потенциал: она наиболее адекватно отражала как экономическое положение деревни, так и представления самого населения о возможных формах и способах преобразования земледелия [14, с. 26, 166, 473].

Четвертое направление связано с изучением ключевых мероприятий, составляющих сущность Столыпинской аграрной реформы. В числе таких мероприятий следует выделить земле-

устройство и агрономическую помощь крестьянству. В новейший период оба этих вопроса наиболее системно исследовал М.А. Давыдов. Он детализировал динамику землеустроительных работ по губерниям Европейской России, выявил характер и направления землеустройства. Землеустройство было нацелено на ликвидацию дальнотемелья, чересполосицы, многополосицы и т.п., что позволяло оптимизировать земельные наделы крестьян. На основе анализа статистики Давыдов отмечает рост количества крестьянских ходатайств о землеустройстве в подавляющем большинстве губерний. Это позволило прийти к заключению, что реформа была адекватна и социально-экономической ситуации в стране, и психологии миллионов крестьян [17]. На основе анализа правительственных и земских мероприятий по агрономической помощи крестьянству, М.А. Давыдов аргументированно показывает не только конкретные агротехнические улучшения в крестьянских хозяйствах, но и делает вывод об изменении отношения крестьян к сельскохозяйственным знаниям [18, с. 530–579].

Итак, в современной отечественной историографии можно выделить несколько магистральных направлений исследования Столыпинской аграрной реформы. Неослабевающий интерес историков к этой теме означает, что история реформы далека от полного изучения. Перспективы ее исследования видятся в следующем:

во-первых, необходимо продолжить изучение Столыпинской аграрной реформы в отдельных губерниях и областях. Это позволит расширить знания о характере и реализации реформы за счет вовлечения в научный оборот материалов местных архивов;

во-вторых, перспективным представляется изучение возможных альтернатив Столыпинской аграрной программы. В рамках этого вектора исследования возможна полемика. Наиболее важным аспектом представляется рассмотрение социально-экономических процессов внутри передельной общины как в период Столыпинских реформ, так и в пореформенный период.

Исследование общины в период Столыпинских реформ позволит решить вопрос о том, была ли переделная община альтернативой аграрному курсу П.А. Столыпина.

Список литературы

1. Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 2. С. 3–18.

2. Кабытов П.С. П.А. Столыпин и программа реформирования России // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина: мат-лы и докл. межрегион. науч.-практ. конф. (Самара, 21 апреля 2011 г.). Самара: Самарский университет, 2011. С. 8–16.

3. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

4. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.

5. Давыдов М.А. Модернизация Витте – Столыпина и ее специфика // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1. С. 109–131.

6. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя, 2010. 832 с.

7. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.

8. Забоенкова А.С. Крестьянская личная собственность на землю в годы Столыпинской реформы: мифы и реальность // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 130–136.

9. Корелин А.П. Реформы П.А. Столыпина: исторический опыт и уроки // Труды Института российской истории РАН. 2013. № 11. С. 88–115.

10. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

11. Аграрная история XX века: историография и источники: монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара: Самарский университет, 2014. 486 с.

12. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

13. Сущенко В.А. Столыпинская аграрная реформа в русле прошлых и современных дискуссий о судьбе русского крестьянства // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2011. № 1-1. С. 46–51.

14. Ефременко А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль: Ремдер, 2002. 532 с.

15. Безгин В.Б. Общинное земледелие и аграрная модернизация // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2016. № 1. С. 120–122.

16. Островский А.В. Существовал ли системный кризис в России начала XX века? (критика концепции Б. Миронова) // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 124–138.

17. Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 56–73.

18. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.